

УДК 81'23

DOI: 10.30982/2077-5911-2018-35-1-173-191

К ВОПРОСУ О ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКЕ В НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СФЕРЕ

Шапошникова Ирина Владимировна

главный научный сотрудник ИФЛ СО РАН
630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8
доктор филологических наук, профессор гуманитарного института НГУ
630090, Новосибирск, ул. Пирогова, 2
i.shaposhnickowa@yandex.ru

В статье объективируется проблема конфликтогенных этнополитических установок, стоящих за некоторыми маргинальными проявлениями реформаторской деятельности в научно-образовательной сфере постсоветского времени. Проводится анализ ассоциативно-вербальных маркеров иноэтничности, связанных с интериоризацией опыта межкультурных контактов позднесоветского и постсоветского времени. Исследуются смысловые зоны в ассоциативных полях (далее: АП) РУССКИЙ и ЯЗЫК, которые связаны с этносоциокультурной идентификацией русской языковой личности. Выводятся психоглоссы, показывающие чувствительные (потенциально конфликтогенные) смысловые акценты в структуре языкового сознания молодых русских. Анализируются условия, в которых закладывался установочный механизм реформаторской деятельности, включая текущую языковую политику в научно-образовательной сфере и отдельные административно-управленческие организационные действия, формирующие в конечном итоге эту языковую политику в ее маргинальных проявлениях. Рассматриваются основополагающие параметры языковой ситуации в современной России, выявляются основные противоречия между «актуальными» установками текущей языковой политики в научно-образовательной сфере и системообразующими для российской цивилизации параметрами реальной языковой ситуации в стране. Выводятся суждения об этнополитических концепциях, чей установочный механизм конвертируется в реформаторские усилия по выработке языковой политики в научно-образовательной сфере без учета деструктивного потенциала этих концепций в плане сохранения целостности российской цивилизации.

Ключевые слова: психоглоссы идентификации молодых россиян; языковая политика в научно-образовательной сфере РФ; конфликтогенные установки акторов; реальная языковая ситуация в России; маргинальные проявления реформ в науке и образовании; противоречия установок языковой политики параметрам языковой ситуации; этнополитические концепции реформаторства; объективация конфликтогенности взаимодействий концепций акторов реформ

Научно-образовательная сфера представляет собой важнейшую для воспроизводства и развития российской цивилизации социо-коммуникативную подсистему. Эта система, как и другие сферы жизнедеятельности россиян,

подверглась серьезным потрясениям в период смуты 90-х годов¹. В настоящее время приходится наблюдать последствия ряда принятых тогда неподлинных в своей основе, разрушающих жизнестойкость российской цивилизации решений, повлекших за собой противоречия идентификационных процессов вплоть до установок на цивилизационное развоплощение русских. По оценкам О.В. Крыштановской, период правления Б.Н. Ельцина, когда зарождались реформы, характеризовался «фрагментацией верховной власти», в том числе и в гуманитарном плане, на мировоззренческо-идеологическом поприще. «Отсутствие четко артикулированного “проекта Ельцина” привело к тому, что слово “реформы” закодовывается, лишается содержания, и каждый политический актер наполняет его собственным смыслом. Всему обществу ясно, что в стране происходят реформы, но какие именно – каждый понимает по-своему. Разные части сломанной государственной машины имели свой “проект реформ”. Консенсус достигался только относительно использования самого слова “реформы”, которое было так мило сердцу западных спонсоров России» [Крыштановская 2005: 235]. Все сказанное можно в полной мере отнести к реформированию научно-образовательной сферы². В условиях вакуума власти при гуманитарном давлении извне складывается (а точнее актуализуется) характерная для внутриэтнического диалога русских этика подражательно-перенимательной опоры на «мировые (под которыми понимались условно западные – преимущественно европейские и американские) стандарты» в процессе мобилизации сторонников среди молчаливого большинства и оказания давления на них.

---

¹ Анализируя российско-американские научно-технические отношения в годы перестройки с учетом американских оценок состояния дел в науке России, Г.Б. Кочетков отмечает, что в СССР наука получала огромные инвестиции (примерно 5% ВВП) и была представлена 5000 научно-исследовательских организаций разного уровня с более, чем 1,5 млн. занятых в этой сфере человек [Кочетков 2007]. В начале 1990-х годов произошло резкое сокращение бюджетного финансирования исследований всех типов: в 1990 году доля ВВП, затрачиваемая на науку в России, сократилась до 2%, в 1991 она упала до 1,4%, а в 1992 г. – до 0,7%. «Если к этому добавить, что в те же годы происходило резкое сокращение объема ВВП, то можно себе представить темпы ликвидации альтернативного “центра мировой науки” в России» [Кочетков 2007]. Заметим, что автор цитируемой статьи приводит статистику финансового обеспечения отрасли, однако как оценить гуманитарные и нравственные потери российской цивилизации от демонтажа системы организации научно-образовательной деятельности, за которой последовали попытки компенсировать потери за счет внешнего финансирования с внедрением подкрепляющих их этнополитических концепций соответствующих акторов?

² Ср.: «В России произошла девальвация значимости науки и научной деятельности. В политическом и экономическом смыслах научно-технический комплекс был отодвинут на периферию общественной жизни, так как наука как социальный институт не участвовала в решении главной задачи политических элит в тот период – борьбе за власть. Лишившись источников финансирования и заказов военно-промышленного комплекса, российская наука была предоставлена самой себе и практически перестала развиваться» [Кочетков 2007]. Как утверждает автор, изучивший вопрос по американским правительственным источникам, незаинтересованные в сохранении силы альтернативного центра науки американцы направили «помощь» из своего бюджета «на подчинение российской науки интересам американского бизнеса, политики и идеологии. Сотрудничество с российской наукой в таком плане было выгодно США, так как позволяло расширить имеющиеся в их распоряжении научные ресурсы. При этом присуждение грантов российским ученым должно было происходить на базе оценки их научных заслуг, данной американскими коллегами, а также потенциального вклада в достижение целей США» [Кочетков 2007].

В настоящее время приходится констатировать уже состоявшуюся конвертацию этих реформаторских установок в явленные участникам научно-образовательной деятельности в опыте результаты. Новый этап реформаторских преобразований вылился в попытки англификации научно-образовательной сферы. Нам представляется, что экспертная постановка вопроса при оценке явления англификации должна включать в себя следующие моменты:

1) описание сути феномена **англификации** как части проводимых в постсоветский период реформ (проявления, установочный механизм, причины возникновения, возможные последствия применения, цена вопроса и пр.);

2) учет **природы языковых процессов**, дающих ответ на вопрос о том, при каких условиях желанный для элиты язык может полноценно функционировать в управляемом сообществе;

3) оценку состояния **английского языка сегодня** и культуры владения этим языком;

4) понимание, что в мире жесткого глобального противостояния интересов различных в своем качестве и потенциале развития цивилизаций грань, за которой кончается чисто «языковой» вопрос и включается **этносоциокультурная идентификация**, очень тонка.

За тем, что выносится в поле публичных дискуссий, ощущается и стереотипизируется в массовом сознании как «проблема языка» и его состояния, скрываются неосознаваемые или слабо осознаваемые проблемы этносоциокультурной идентификации. В этом смысле, очевидно, что язык не должен быть «чужим»³.

Каков мотивационно-установочный механизм политики англификации и каков ее мобилизационный потенциал? В качестве мотива выдвигается ставший популярным в перестройку тезис о необходимости включения России в «мировое» экономическое и научное пространство, где нужно конкурировать при соответствии неким «мировым» стандартам. При этом вопросы зачастую ставятся провокационно: поскольку все «мировое» англоязычно (весь «мир» сводится к англоязычным странам и англоязычию), нужны ли российской науке журналы на русском языке? На каком языке учить в российских вузах? (Как будто русский язык не является языком российских вузов и мировым языком!). Ученый не может быть таковым, если он не имеет рейтинга «мировой» популярности в означенном выше смысле, не публикуется в англоязычных научных журналах, не пишет, а преподаватель не преподает на английском языке. Эти требования имеют финансовое сопровождение, находят отражение в так называемых «эффективных контрактах» на местах не в пользу русского языка, науки и культуры. Обучающие организации упорно встраиваются в рыночные форматы утилитарности с приемом иностранных студентов, которых (к тому же зачастую очень поверхностно, едва-едва владеющих английским, или не владеющих им вовсе и живущих в русской лингвокультурной среде) предполагается обучать именно на английском языке

³ Здесь наш дискурс перекликается с фундаментальной для понимания иноязычного образования статьей А.А. Леонтьева «Язык не должен быть “чужим”» [Леонтьев 2007], в которой обыгрывается смысл, стоящий за немецким словом Fremdsprache – иностранный язык, букв. «чужой язык».

(вместе со своими русскими студентами). Приоритетным становится приглашение именно иностранных ученых и педагогов для обучения студентов в российских вузах. Саму постановку таких вопросов и сопровождающие ее явления можно расценить как признаки затянувшегося гуманитарного кризиса, который был объективирован в массовом сознании эпохи перестройки через «актуальные» установки реформ смутного времени 90-х годов, связанные с вырождением государственности на постсоветском пространстве. Чрезмерное рвение не желающих брать на себя ответственность за оценку реальной ситуации чиновников на местах и сегодня чревато исполнительскими перехлестами, когда англификация понимается как необратимый и тотально обязательный процесс вопреки здравому смыслу и законодательству РФ. Автору данной статьи приходилось слышать даже такие маргинальные предложения: «если хотя бы один иностранный студент появился в вузе, то вся группа, в которой он учится, должна проходить обучение на английском языке»⁴. Личный опыт пребывания в системе позволяет нам утверждать, что ситуация в разных вузах и институтах выглядит по-разному (от маргинально деструктивных проявлений политики англификации до полного ее неприятия), но административно-принудительные доминанты очень сходны в своей общей направленности.

Насколько укоренено такое самоотречение и лингвокультурное развоплощение, которое провоцируется «менеджерскими» установками на англификацию? Каковы идентификационные запросы молодого поколения россиян? Неужели новому поколению россиян не нужна своя страна и цивилизация? Материалы, которые представляют для осмысления исследователям результаты экспериментальной работы психолингвистов в различных регионах РФ, свидетельствуют об обратном. Здесь мы, в силу ограниченного жанром статьи формата, оперируем только малой частью данных по имеющимся в нашем распоряжении источникам: [САНРЯ; РАС; СИБАС; ЕВРАС]. Смысловые акцентуации русской языковой личности отражают интериоризацию (перевод во внутренний план) опыта внутри- и межэтнических⁵ взаимодействий в ходе реформ постсоветского времени у молодых россиян. Маркеры смысловых акцентуаций (психоглоссы), полученные после компьютерной обработки экспериментальных данных на основе измерения устойчивости ассоциативных связей в языковом сознании молодых русских в течение нескольких десятилетий, дают нам общую картину динамики смыслового поля в пределах трех поколений. Природа ассоциативно-вербальных процессов позволяет, даже с учетом погрешностей экспериментальных условий, довольно достоверно судить о

---

⁴ Здесь мы оставляем «за кадром» важнейший вопрос о проблеме обучения иностранцев в России, которая сегодня, похоже, имеет тенденцию осмысляться поверхностно в административно-управленческой среде, без должного учета накопленного в российской (советской) культуре опыта иноязычного образования. Вопрос осложняется неработающим на российской почве институтом магистратуры, вынуждающим формировать магистерские группы самым причудливым образом и разрушающим системность профессиональной подготовки студента.

⁵ Используя термин «(меж)этнический», мы имеем в виду, вслед за Л.Н. Гумилевым, этносоциокультурные образования разного порядка [Гумилев 1994: 131]: макросистемный (суперэтнический) или цивилизационный (в нашем случае это российский, или русский в широком смысле), базовый системный, собственно этнический (русский в узком смысле) и субэтнический (разновидность подсистем внутри этнического целого).

том, какие именно смыслообразующие факторы работают в этносоциокультурной идентификации.

В таблице №1 представлены смысловые акцентуации образа ЯЗЫК по данным обратных ассоциативных словарей. Цифры указывают на частоту реагирования разных испытуемых словом ЯЗЫК (устойчивость связи) после предъявления им стимулов, обозначенных в таблице словами справа от стрелки.

Таблица №1

Смысловые акцентуации образа ЯЗЫК

РАС (1988-1997)	СИБАС (2008-2013)	ЕВРАС (2008-2013)
<u>ЯЗЫК В иностранный</u> 311; родной 226; национальный 45; <i>русский</i> 29; <i>российский</i> 1	<u>ЯЗЫК В иностранный</u> 329; <i>русский</i> 229; родной 99; национальный 52; международный 42; <i>российский</i> 5	<u>ЯЗЫК В иностранный</u> 334; <i>русский</i> 282; родной 121; национальный 61; международный 40; <i>российский</i> 7

Акцентуация *иностранного* вовсе не случайно находится на первом плане во все рассматриваемые периоды времени, она закономерна для состава групп испытуемых, молодых людей в возрасте первичной профессиональной социализации, изучающих какой-либо иностранный язык в качестве обязательного для освоения предмета во всех российских вузах. В нашем контексте интересен проявившийся и показывающий рост тренд в сторону цивилизационно сплывающего Россию (однако не существующего в качестве одноименного естественного) языка: *российский*; очевиден **многократный рост** акцента связи с *русскостью*. Приведенные в таблице №1 данные свидетельствуют о том, что идентификация при посредстве *языка* идет в сторону *русскости* (можно предположить – как в узком, этническом, так и в широком, цивилизационном, плане). Об этом же свидетельствует и сравнительно-сопоставительный анализ смысловых акцентуаций ассоциативного поля РУССКИЙ в таблице №2, где отражены данные одной из наиболее значимых для нашей тематики смысловых зон в этом АП.

Язык, национальность, характер оказались самыми устойчивыми во времени ассоциатами. Они входят в ядерную часть АП (только в РАС *национальность* выпала на периферию). В СИБАС и ЕВРАС эти ассоциаты снова укрепляют свои позиции, причем *язык*, даже в каждой из региональных баз в отдельности, более чем в десять раз по отношению к общероссийским показателям РАС. При этом в обеих региональных базах **усиливается национальный акцент** за счет внедрения в ядро *нация, национализм* и укрепления позиций *национальность*. *Язык и национальность* усиливаются и за счет периферии рассматриваемой зоны АП в обеих этих базах. Примечательно, что в РАС, наоборот, *национальность* уходит на периферию, где она соседствует с *шовинизмом*. Возможно, это фиксирует проблему убегания от своего национального контекста в связи с растерянностью перед событиями на национальных окраинах⁶. Негатив в региональных базах раскрывается через

⁶ Автору статьи припоминается разговор десятилетней давности с одним из предполагаемых издателей нового русского регионального ассоциативного словаря: менеджер издательства настаивал на удалении слова *русский* из названия книги (столь опасными, вероятно, представлялись ему в то время «националистические» акценты).

Таблица №2

Смысловая зона «Нематериальные объекты и абстрактные понятия, социальные институты и ценности (идеологемы)» в АП РУССКИЙ (данные прямых ассоциативных словарей)

САНРЯ (1970-е гг.)	РАС (1988 – 1997)	СИБАС (2008–2013)	ЕВРАС (2008–2013)
<p>язык 40; <i>национальность</i> 5; <i>характер</i> 4; наука 3; всего в устойчивой части зоны 52 реакции (27,51% от общего состава устойчивой части всего АП);</p> <p>-----</p> <p>театр 1 всего единичных реакций в зоне 1 (2,32% от общего состава единичных реакций в АП);</p> <p>-----</p> <p>всего в зоне 53 реакции; негативных нет;</p> <p>-----</p> <p>всего разных реакций в зоне 5 (6,94% от общего состава разных реакций в АП).</p>	<p>язык 29; дух, <i>характер</i> 2; всего 33 (48,52% от общего состава устойчивой части всего АП);</p> <p>-----</p> <p>бизнес, вера, лень, <i>национальность</i>, образ мыслей, стиль, театр, уважение, шовинизм 1 всего 9 (21,95% от общего состава единичных реакций в АП);</p> <p>-----</p> <p>всего в зоне 42 реакции; негативных 2 (4,76%);</p> <p>-----</p> <p>всего разных 12 (23,52% от общего состава разных реакций в АП).</p>	<p>язык 229; дух 10; <u>менталитет</u> 7; <i>национальность</i> 6; <i>характер</i> 4; <u>гордость</u>; <u>нация</u>; язык, человек 2; всего 264 (66,49% от общего состава устойчивой части всего АП);</p> <p>-----</p> <p>воля; голод; древность; родство; <u>душа</u>; май; мат; <u>национализм</u>; память; патриотизм; пыл; <u>рэп</u>; <u>сила</u>; словарь, язык; стереотип; тон; ум; халява; эмоции; язык, <i>национальность</i> 1; всего 20 (19,6% от общего состава единичных реакций в АП);</p> <p>-----</p> <p>всего в зоне 284 реакции; негативных 4 (1,4%);</p> <p>-----</p> <p>всего разных 29 (21,48% от общего состава разных реакций в АП).</p>	<p>язык 282; <i>национальность</i> 10; дух, <u>менталитет</u> 7; <i>характер</i> 4; <u>национализм</u>, <u>нация</u> 3; <u>душа</u>, стиль 2; всего 320 (70,32% от общего состава устойчивой части всего АП);</p> <p>-----</p> <p>бунт, вера, <u>гордость</u>, история, кинематограф, крайности, культура, литературный язык, месяц, могущество, религия, родной язык, <u>рэп</u>, <u>сила</u>, талант, <u>гордость</u> (“) 1; всего 16 (18,82% от общего состава единичных реакций в АП);</p> <p>-----</p> <p>всего в зоне 336 реакций; негативных 4 (1,19%);</p> <p>-----</p> <p>всего разных 25 (21,55% от общего состава разных реакций в АП).</p>

ассоциаты с *сленью* и *национализмом*, а также *бунтом*. Мотив *характера* и духовности усиливается, начиная с РАС, через *дух*, а в СИБАС и ЕВРАС через многократное усиление *дух*, *душа* и др. Следы рефлексии над национальной спецификой находим в ассоциатах как в ядре (*менталитет*, *стиль*), так и на периферии (*стереотип*, *религия*, *культура*, *патриотизм* и др.). Понятие *русский* предстаёт в региональных словарях существенно более наполненным и разработанным по сравнению с РАС и даже САНРЯ в рассматриваемой здесь смысловой зоне. Присутствующая в ядре САНРЯ *наука* больше нигде не воспроизводится, в ЕВРАС на смену ей пришли *религия* и *вера*. *Язык*, как наиболее сильная ассоциация, в региональных базах получает ещё и дополнительную разработку в грамматикализованных двусловных ассоциатах на периферии. Можно констатировать очень устойчивую связь образа *русский* с образом (*родного*) *языка*, что означает **этнизацию** образа ЯЗЫК в региональных базах по отношению к более ранним данным эпохи перестройки и доперестроечного времени. Как мы уже писали ранее, это, наряду с другими данными, говорит о существенном возрастании значимости языковых вопросов и чувствительности к ним в идентификации нового поколения молодых русских людей XXI века [Шапошникова 2016]. Какую иерархию иноэтничности в этом плане показывает русская языковая личность в своем осмыслении контактов с внешним миром?

В таблице №3 приводятся психоглоссы акцентуаций, которые выявились при анализе еще одной смысловой зоны в АП РУССКИЙ. Стрелки показывают направление снижения устойчивости ассоциативных связей со словом РУССКИЙ, знаки равенства – совпадение показателей устойчивости у приведенных в таблице ассоциатов.

Таблица №3

Психоглоссы иноэтничности по данным смысловой зоны «Этнонимы и иные маркеры идентификационной матрицы» в АП РУССКИЙ

САНРЯ (1970-е гг.)	РАС (1988 – 1997)	СИБАС (2008–2013)	ЕВРАС (2008–2013)
немец (немецкий) à казах (казахский) à француз (французский) à украинец (украинский) à еврей à китаец (и китайский) = американец (английский) à армянин = грузин = чех	еврей à немец = турецкий = французский	английский à немецкий à казах = украинец = китаец = француз = чех = чеченец = якут	английский à украинец à китаец à казах = татарин = японский = чурка

Во все периоды в рассматриваемой зоне АП РУССКИЙ как, впрочем, и в ассоциативных полях иных вербальных экспликаторов идентичности, которые мы здесь не имеем возможности рассмотреть, прослеживаются следующие оппозиции идентификационной матрицы: СВОЙ – ЧУЖОЙ; ее более мягкая разновидность: Я – МЫ (*наш*; *родной*); ЭТНОС – СУПЕРЭТНОС (цивилизация). *Русский* соотносится с суперэтносом (если понимается широко) и (или) с этносом (узконациональным,

собственно этническим, смыслом). Образы *чужих* (иностранных, иноэтничных) в разные периоды времени наполняются преимущественно сходным содержанием, однако актуальность разных воплощений иноэтничности меняется вслед за реалиями окружающего мира. Как видно из таблицы №3, в перестроечный период (в РАС) *чужие* представлены беднее всего. Оппозиция *русский – немец (немецкий)*, характерная для прошлого века, центральным событием которого в сознании россиянина была Великая Отечественная война с немецким фашизмом, в XXI веке сменилась новыми акцентами. На первый план в СИБАС-ЕВРАС выходит *английскость*, в них также несколько усилен азиатский акцент при сохранении европейского. Это может свидетельствовать (среди прочего) об актуализации процесса цивилизационной идентификации суперэтнического (евразийского) плана, на фоне иной (англо-американской) цивилизации. Таким образом, оппозиция англо-американскому становится одной из доминант идентификации языковой личности нового века. Это чувствительная (а значит, как и в случае с этнизацией языка, потенциально конфликтогенная) смысловая зона в процессах социокультурной идентификации.

Посмотрим, какие испытания прошли носители языковой русскости (российскости) под воздействием этнополитических концепций⁷ различных проявивших себя на постсоветском политическом пространстве акторов. **Принципиально важным** представляется обоснованное Л.Л. Хопёрской в одной из ее статей положение о зависимости *степени дисбаланса (конфликтности) от типов взаимодействий акторов этнополитической системы*, мобилизующихся на основе различных этнополитических концепций, которые могут быть ориентированы на сохранение, преобразование или разрушение данной системы [Хопёрская 2011]. Предложенное ею «аксиологическое измерение в анализе этнополитических конфликтов», действительно помогает выделить в составе объективированной для рассмотрения системы «особого класса элементы, приводящие её в состояние “самовозмущения” и потенциально способные довести систему до кризиса и разрушения “изнутри”, а не в результате воздействия среды» [Хопёрская 2011: 48]. Нам представляется, что в ходе реформы научно-образовательной сферы, включая и такие предпринимаемые шаги, которые можно отнести к разряду языковой политики в этой сфере, в систему был внедрен ряд аксиологически маркированных конфликтогенных этнополитических идеологем, что отразило конфликт интересов разных групп российской политической элиты смыслоустратной позднесоветской и постсоветской эпохи.

---

⁷ Нам близок подход Л.Л. Хопёрской, которая в анализе конфликтности этнополитических систем использует введенное ею в состав параметров конфликтной социальной ситуации понятие этнополитических концепций, отражающих установки группового сознания и являющихся «основой мобилизации акторов (участников политического процесса), т.е. приведения их в активное состояние, сосредоточения их сил и средств для достижения цели» [Хопёрская 2011: 49]. При этом мы исходим из упомянутой выше разнотрактовки понятия этничности, что, видимо, позволяет оперировать понятием этнополитическая концепция не только при рассмотрении взаимодействий акторов разного уровня (как внутренних, так и внешних), но и при формировании установочного механизма у одного и того же типа акторов под воздействием нескольких разнородных концепций.

Конфликтогенность сложившегося положения провоцируется индифферентностью (и даже нигилизмом) ряда элитарных групп по отношению к системообразующим этнокультурным реалиям, в частности, хроническим игнорированием реалий языковой ситуации в РФ (СССР) с недооценкой в разные периоды времени функционального статуса одних её компонентов и, наоборот, переоценкой других. Так языковая политика в СССР в эпоху перестройки, пронизанная духом «митинговой демократии», как и другие сферы законотворчества смутного времени, положила начало «добровольному» отчуждению русских от своего языка. Статус русского низводится до *официального* (языка официальных документов) в республиках СССР (и даже этот статус обещан ему не везде); имеет место автоматическое провозглашение титульных республиканских языков государственными в условиях этноязыкового разнообразия проживающего в них русскоязычного населения. Примечательно, что, по свидетельству участников тех событий, причастных к разработке и принятию законов, в роли защитников де-факто сложившегося функционального статуса русского языка, как активно использовавшегося в качестве общегосударственного на всей территории СССР, горячо выступали не русские депутаты, а представители разных автономных образований и национальных меньшинств в республиках бывшего СССР. Они видели в русском языке гаранта защиты своих гражданских прав и этносоциальной справедливости [Исаев 1991: 7-8].

Перестроечные и постперестроечные события в последующие годы показали глубину заложенных в законодательстве того времени противоречий. В языковой политике тех лет в ряде республик возобладала установка на моноязычие (соблазн узаконить однокомпонентную языковую ситуацию). Как пишет социолингвист В.Ю. Михальченко, глубоко исследовавшая языковые процессы в бывшем СССР и современной России, установка на моноязычие была позаимствована вместе с концепцией, «разработанной учеными франкоязычной канадской провинции Квебек для противостояния английскому языку» [Михальченко 2015: 25]. «Воплощение этой концепции в 1989 г. в законе о языках Эстонской ССР, а позже и во всех других республиках, включая Россию, вызвало открытые языковые конфликты (Молдова), латентные национально-языковые конфликты в Эстонии, Латвии, Литве, Украине и других союзных республиках бывшего СССР. В России конфронтационный характер законов о языках был нейтрализован принятием Закона о русском языке как общем средстве единения – государственном языке Российской Федерации» [Михальченко 2015: 26], который приближался в своих установках к специфике языковой ситуации в РФ.

Языковая ситуация в современной России является наследием истории народов нашей страны, способов совместного освоения ими общих территорий и построения общей цивилизации. Языковая ситуация в современной России разнообразна в различных регионах нашей суперэтнической державы. В.Ю. Михальченко выделяет в ней 5 различных моделей (подтипов) при наличии 150 языков в ее компонентном составе. Русский язык является общегосударственным языком РФ. С учетом местных государственных языков в республиканских форматах, только по отношению к параметру государственности выявляется 37 компонентов языковой ситуации [Михальченко 2015: 27]. Уровень языкового

единения в РФ чрезвычайно высок: на русском языке говорят 98,2% населения. 23% населения владеют еще 38 языками народов России, а остальные 114 языков распространены всего среди 1% населения. Большинство языков, которые имеют максимальное количество владеющих, являются государственными языками республик [Михальченко 2015: 14]. **Родным** для абсолютного большинства населения является **русский язык**, а в республиках чаще **родными** могут быть и **русский**, и **республиканский этнический язык**. В подобных случаях **русский язык** используется народами России не только для развития и поддержания **регионального (наряду с этническим) этнокультурного и общероссийского (цивилизационного) единства**, но и как **мировой язык** для доступа к новым технологиям и культурным ценностям. Функциональная развитость этого языка, которая обреталась его многовековым участием в становлении и развитии российской (русской) цивилизации во всех ее воплощениях, позволяет ему выполнять все (от самых интимных до глобально значимых) функций представления смысловой сферы многоликой российской культуры.

Языковая ситуация в России не дает никаких оснований для административно-принудительного продвижения свободного (наравне с имеющимися в РФ языками) хождения английского вместо родных для населения нашей страны языков. Английский язык не имеет никакой естественной этносоциокультурной базы для его использования где-либо в РФ в качестве функционально развитого внутрицивилизационного, межэтнического и тем более внутриэтнического родного языка. Все эти социальные потребности обеспечивает русский язык в связке с функционально адаптированными для региональных российских нужд языками народов России. Из этого следует, что английский язык был и остается иностранным языком для народов России. В таком качестве он и должен изучаться как **язык геополитического конкурента**. Преподавание этого языка в качестве иностранного должно включать активную рефлексию над маргинальными (конфликтогенными) этнополитическими концепциями акторов англификации-американизации (и шире: вестернизации), поскольку они неустранимы из семиотики транслирующей их лингвокультуры и при определенных условиях (временно уязвимых состояниях смыслового поля российской цивилизации) могут трансформироваться в деструктивные для россиян идеологемы.

Особого внимания заслуживает вопрос мотивации при изучении иностранного языка. Социальные и личностные потребности в освоении иностранного языка могут быть очень разнообразными в такой стране как Россия. При неосознавании и недооценке (в том числе и по незнанию) роли онтогенеза и фактора включенности (невозможности быть включенным) в живую этническую лингвокультурную среду, у части акторов власти может возникнуть идеализация возможностей обретения желаемого уровня владения языком. Реальность, как правило, противоречит такой идеализации, прежде всего, на уровне мотивационно-прагматическом, который всегда отражается на качестве и результатах любой деятельности.

Английский язык очень широко начал предьявляться на так называемом «рынке образовательных услуг» с самого начала перестройки. Среди «продавцов» были самые разные акторы, как российские, так и иностранные. Этот бизнес был особенно успешным на волне последовавшей за открытием границ эмиграции.

Очевидно, что английский язык для потенциального или уже состоявшегося эмигранта, желающего натурализоваться в англоязычной стране, английский язык для русского дипломата (рабочего, бизнесмена), постоянно или время от времени работающего в иноязычной стране, для российского туриста или для россиянина, проживающего и работающего в России, но желающего использовать знания, представленные в англоязычном формате, это все разные уровни мотивации и разные потребности с различными возможностями их удовлетворения. Столь же разными могут быть и подходы к изучению англоязычной лингвокультуры, которая очень разнообразна и не имеет одноформатного воплощения даже в исконно англоязычных странах, вопреки мифу о едином, глобальном английском языке. Что представляет собой английский язык в качестве единственного (родного)? Второго (родного или неродного)? Эти и многие другие вопросы состояния языка решаются сегодня с учетом этносоциокультурной специфики сообщества его носителей и места его развития.

Функциональность языка в сфере образования и науки в российских вузах, качество используемого общегосударственного языка (и государственных языков) это особая проблема, которая требует внимания со стороны педагогического сообщества. Обретенный нашей страной опыт внедрения новых этнополитических интересов в практику языкового строительства даже при наличии естественного, поддержанного онтогенезом билингвизма, далеко не однозначен. Об этом свидетельствуют многие гуманитарные исследования последних десятилетий. Выбор этнического языка респондентами в качестве родного при социологических опросах совсем не означает достаточное качество владения этим языком в практике жизни, этот выбор, как правило, детерминируется другим фактором – этнокультурной идентификацией. Следовательно, образ родного языка и реальное владение им часто представляют собой разные сущности. Эти вопросы, похоже, не получили должной проработки при рекультивации национальных языков в перестроечный период. Так, например, неоднозначная языковая ситуация складывается в Казахстане. Здесь наблюдается постепенное расширение доминирующих позиций казахского языка через расширение сети средних школ, где на нем проводится обучение. Однако серьезным препятствием на пути полноценного функционирования этого языка является низкое качество обучения, что связано с целым комплексом факторов, не в последнюю очередь со слабым использованием казахского языка в среде самих казахов [Джумагельдинов 2010: 214]. Наверное, такое положение в будущем скажется и на качестве обучения казахского контингента из таких школ при поступлении в вузы. Параллельно в процессе сокращения часов на обучение русскому ухудшается и качество владения русским языком [Джумагельдинов 2010].

Сложная ситуация и с тувинско-русским двуязычием в Туве. В республике преобладает тувинское население, а тувинский язык используется им традиционно активно. По оценкам исследователей, тувинский язык и в советское время был так популярен среди местного населения, что риски его исчезновения несопоставимы с положением дел у ряда этнических групп в других республиках [Анайбан 2016: 305]. Культивация же обучения на тувинском языке ведет к оттоку высококвалифицированного русскоязычного населения, представители которого

хотят более высокого качества образования и видят свою реализацию в более широкой сфере, чем узкий локальный контекст. Миграция русского населения в соседние территории плохо сказывается на ситуации в Туве, в частности, приводит к технологическому оскудению, от чего страдает все население республики (подробный анализ тувинской языковой ситуации см. [Кан 2011]). Анализ языковой ситуации и специфики регионального языкового сознания в новейших психолингвистических исследованиях, проводившихся, например, в Республике Татарстан и Республике Коми, выявляет сходные проблемы и в этих, по наблюдению авторов, довольно толерантных к межэтническому диалогу, регионах [Региональное языковое сознание...2017].

Даже рекультивация живых этнических языков, признаваемых их носителями в качестве родных, с которыми осуществляется этнокультурная самоидентификация, имеет серьезные последствия, тормозящие когнитивные и модернизационные процессы в ходе межпоколенной передачи опыта, что же говорить о попытках принудительной подмены родного языка иностранным! Но если качество владения русским языком (как и рекультивируемым этническим) в условиях рукотворного двуязычия неизбежно ухудшается, то качество иностранного английского языка (напоминающее схоластическую латынь) при его функционировании в научно-образовательной сфере (не только в РФ) вообще не позволяет квалифицировать его как живое полноценное средство при передаче межпоколенного опыта в системе образования и воспитания нашей страны. Уровень активного владения этим языком (его вариантами) в современных условиях целиком зависит от толщины кошелька обучающегося, его индивидуального опыта прямых и (частично от) опосредованных (через культурные продукты) контактов с языковыми сообществами, в которых этот язык используется в качестве родного. В любом случае активное овладение иностранным языком не разовая акция, единожды приобретенные навыки нуждаются в пожизненном подкреплении и развитии. Цена вопроса при последовательном внедрении политики англификации неоправданно высока, ибо эта политика побуждает работников научно-образовательной сферы стать «бóльшими англичанами (американцами) чем сами англичане (американцы)», грубо выталкивает своих граждан из поля родной лингвокультуры, национальной и гражданской идентификации, провоцируя отчуждение от профессиональной и национальной среды. Такая политика не имеет ничего общего с нормальной практикой изучения английского языка как иностранного в России. Мотивационная база маргинальных проявлений языковой политики в научно-образовательной сфере должна рассматриваться в контексте общей практики реформирования образования и науки в постсоветский период, в условиях идеологического и финансового давления извне.

Таким образом, приходится констатировать, что языковая политика в научно-образовательной сфере в своих маргинальных проявлениях гуманитарно несостоятельна, она представляет собой результат воздействия деструктивной формы идеологической вестернизации некоторых групп причастной к властным функциям элиты общества. **Этнический нигилизм** используется ими как (псевдо) мобилизационная тактика в практике проведения реформ с 90-х гг. прошлого века. Этнологи выделяют различные по своему содержанию виды идентификационных

процессов, которые определяются на фоне нормы, допускающей отклонения, как в направлении нарастания этничности, так и ее угасания или даже отрицания [Садохин 2000: 134]. А.П. Садохин определяет *нормальную идентичность* как состояние, при котором «образ своего народа воспринимается как положительный, когда имеет место в целом благоприятное отношение к его культуре, истории» [Садохин 2000: 134]. Однако встречается и иной тип идентификации, который известен как *этнонигилизм*, по сути – отрицание этничности, этнических, этнокультурных ценностей. «Обычно этот тип идентичности возникает в связи с осознанием низкого статуса своей этнической группы, признанием ее неравноценности по сравнению с другими. Следствием этого становится избегание демонстрации своей этничности, а иногда и вообще отрицание всякой этничности» [Садохин 2000: 134-135]. Сложившиеся в перестройку стереотипы восприятия на основе этнонигилизма закрепились благодаря поддержанной извне и изнутри идеологической фобии по отношению ко всему советскому, активной их трансляции нео-либеральными группами во власти и СМИ. Вот только некоторые из бытующих по настоящее время идеологем, которые связаны с языком и используются в качестве «мотивирующих» англификацию установок, ведущих, в конечном итоге, к цивилизационному развоплощению россиян через сужение их сознания и ограничение сферы познания мира.

1) Гипертрофируется роль английского языка как мирового. Он представляется в массовом сознании как единственный мировой язык (как будто не существует других мировых языков и других цивилизационных образований, кроме англосаксонского).

2) Сами по себе английскость и англоязычность ассоциируются с научностью и престижностью, вплоть до сведения научности к англификации.

3) В ходу штамп «весь цивилизованный мир», под которым понимается западноевропейская и американская цивилизация как передовой отряд человечества, противостоящий дикой нецивилизованной массе.

4) Принижается роль русскоязычных журналов, научных текстов, достижений ученых и самих этих ученых: на фоне «западных аналогов» их статус признается заведомо низким **по этноязыковому принципу**.

5) Делается вывод о том, что русским нужно перманентно и однонаправленно «учиться» у англоязычных коллег, и т.п.

К сожалению, эти стереотипы уже привели к серьезным противоречиям и росту напряженности внутри российского общества, включая и явное несоответствие между транслируемыми в общество установками внешней и внутренней политики РФ. **Этнический нигилизм** части российской элиты находит встречное движение в традиционном **этноцентризме** части западных элит, поддерживая, таким образом, интересы геополитического противника. В период смуты в России этнонигилистические тенденции нарастают, а попытки их воплощения в жизнь в ходе совершенно необходимой для сохранения страны модернизации впускают внешних акторов с их деструктивными этнополитическими концепциями. Такого рода способы взаимодействия российско-западных этнополитических установок много раз деструктивно проявляли себя в кровавых гражданских и мировых войнах XIX – XX вв.

Конфликтогенность текущей политики англификации кроется в тенденции репрессивного подавления российской гражданской и цивилизационной идентичности по мере отчуждения властной элиты. Возможные последствия последовательного и настойчивого воплощения такой политики оцениваются нами следующим образом. **Культивация отчуждения** от собственного языка – отчуждение от мысли (картины мира, культуры) и идентичности российской цивилизации, что чревато разрастанием этнонигилизма в элитарных группах с обратным процессом в других социальных слоях – деструктивным этноцентризмом (такая ситуация уже проявила себя на Украине). Социальная дестабилизация, ведущая к утрате суверенности и сопряженных с нею благ российской цивилизации. Деграция научно-образовательной сферы из-за невозможности полноценного исполнения ею своих функций. Деграция социальных механизмов межпоколенной передачи опыта, знаний и регулирующих жизнь российских этносов традиций. Раскол единого гуманитарного пространства страны по линии нарушения сфер совместной деятельности, выполняющих функцию объединительного начала у народов РФ. Активизация конфликтогенных процессов на окраинах РФ и в иных зонах потенциальной нестабильности.

Достаточно чувствительные проблемы национальных языков в некоторых республиках РФ могут только обостриться на фоне политики англификации. Здесь следует обратить внимание на очень существенный фактор цивилизационной идентичности россиян. Русский язык, по наблюдению В.Ю. Михальченко, выступает как своего рода «защитник» языков и культур РФ от деструктивных влияний американской глобализации, в особенности, от американской массовой культуры и функционального давления английского языка в целом. «На территории РФ русский язык, в определенной степени принимая на себя последствия указанных явлений, в то же время в значительной мере охраняет от этих процессов языки и культуры других народов России, оставаясь при этом одним из развитых языков, оказывающих значительное влияние на языки малочисленных народов Российской Федерации» [Михальченко 2015: 24]. При всем многообразии языковых ситуаций в РФ они везде замыкаются на системообразующую для нацистроительства роль русского языка. Нельзя не согласиться с В.Ю. Михальченко, которая усматривает искусство языковой политики в умении сбалансировать две противоположные тенденции – к языковому единению страны (государства) и к сохранению и развитию своих национальных языков и культур [Михальченко 2015: 25]. Нам представляется, что в условиях растущей этнизации языков, подъема национализма во всех его формах, этнополитическая концепция англификации становится дополнительным дестабилизатором в стране, которая никогда не была английской колонией.

Что можно противопоставить англизирующей деформации сознания представителей управляющих элит? Прежде всего, волю к выработке зрелых решений, адекватных природе сопряженных с языком этносоциокультурных процессов, на государственном уровне. Необходимо добиваться признания менеджерами безусловного приоритета русского языка (как неотъемлемого атрибута) в научно-образовательной сфере РФ (в соответствии с законом РФ); ликвидации дискриминационной практики в отношении публикационной активности российских ученых и деятельности российских журналов; укрепления

социальных институтов, способных компетентно готовить такие решения; создания общественных институтов экспертной оценки результатов их реализации и мн. др. Очень важным представляется обеспечение постоянной системной господдержки (на уровне, как минимум, международных договоров и иных механизмов системного плана) доступа к научно значимой информации для всех заинтересованных в этом акторов на общегосударственном русском языке; проведение комплексной гуманитарной экспертизы результатов уже состоявшихся реформ в научно-образовательной сфере. Особое внимание должно уделяться разработке (совместно с заинтересованными странами) системы довузовской языковой подготовки иностранных студентов (как в России, так и за ее пределами), которые будут учиться в российских вузах. Существует настоятельная потребность в организации системной господдержки комплектации и постоянного обновления российских научных библиотек научно значимой литературой на английском языке независимо от форм ее бытования; организации (частично, рекультивации) деятельности по выявлению и реферированию наиболее значимых из таких источников, их продвижению в научно-образовательную среду. Ощущается необходимость в постоянной системной и информационной поддержке профессиональной переводческо-издательской деятельности в научно-образовательной сфере.

По итогам нашего анализа можно сделать вывод, что проведению в жизнь маргинальной политики англификации (как и ряда других уже состоявшихся реформ) в научно-образовательной сфере следовало бы, как минимум, предпослать объективацию⁸ стоящих за ней этнополитических концепций с соответствующими им «актуальными» установками. Такой подход позволил бы вовремя оценить конфликтогенность текущей языковой политики, характер и суть определившего ее «актуального» для прошлых лет установочного механизма. Он также нацелил бы участников научно-образовательной деятельности на выработку установок целесообразной в новых условиях самоутверждения и существования российской цивилизации политики, которая способствовала бы подлинной активизации гибкого ресурса системы для прорыва в будущее. Последнее подразумевает выход на имеющие высокую мобилизационную силу нравственно оправданные решения, в том числе, и применительно к языковой политике в научно-образовательной сфере.

Литература

Анайбан З.В. Опыт этносоциологического исследования языковых процессов в Туве // *Этносоциология вчера и сегодня* / Отв. ред. и сост.: Л.В. Остапенко, И.А. Субботина. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2016. С.302 – 307.

Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли / Свод №3. Международный альманах / Сост. Н.В.Гумилева; пред., коммент., общ. ред., карты А.И.Курчки. М.: Танаис ДИ-ДИК, 1994. 544 с.

⁸ Здесь мы трактуем объективацию в духе психолого-педагогической концепции Д.Н. Узнадзе, как акт, дающий субъекту «возможность переживания чего-либо как данности, как некоего объекта» [2014: 233]. Объективация представляет собой акт остановки реализации «актуальных» установок в целях развертывания интеллектуальной активности для поиска более целесообразных установочных состояний, способствующих безошибочному приспособлению к требованиям окружающей действительности [Узнадзе 2014: 230-249].

Исаев М.И. Закон принят. Что дальше? // Русская речь. 1991. №1. М.: Наука. С.3-9.

Джумагельдинов А.Н. Языковая политика в системе государственного образования Казахстана // Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах в 2010 году. Ежегодный доклад Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов / Под. ред. В.А. Тишкова и В.В. Степанова. М.: ИЭА РАН, 2011. С. 213 – 220.

Кан В.С. Тувинский и русский языки в общественном мнении жителей Тувы // Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах в 2010 году. Ежегодный доклад Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов / Под. ред. В.А. Тишкова и В.В. Степанова. М.: ИЭА РАН, 2011. С. 221 – 226.

Кочетков Г.Б. Российско-американские научно-технические отношения в годы перестройки // Россия и Америка в XXI веке. Электронный научный журнал (ISSN 2070-5476) / URL: <http://www.rusus.ru/?act=read&id=50> (дата обращения: 24.02.2018).

Крыштановская О.В. Анатомия российской элиты. М.: Захаров, 2005. 384 с.
Леонтьев А.А. Язык не должен быть «чужим» // Вопросы психолингвистики. 2007. № 6. С. 9 – 12.

Михальченко В.Ю. Языковая ситуация и языковая политика в современной России // Языковая ситуация в Европе начала XXI века: Сб. обзоров/ РАН. ИНИОН. Центр гуманист. науч.-информ. исслед. Отд. языкознания; Отв. ред. Трошина Н.Н. М., 2015. С.14-31. (Сер.: Теория и история языкознания).

Региональное языковое сознание коми, русских, татар: проблемы взаимовлияния. Уфимцева Н.В., Черкасова Г.А., Балясникова О.В., Полянская А.Г., Разумкова А.В., Свинчукова Е.Г., Степанова А.А. Коллективная монография / Под ред. Н.В. Уфимцевой. М. – Ярославль: Изд-во Канцлер, 2017. 240 с.

Садохин А.П. Этнология. М.: Гардарики, 2000. 254 с.

Узнадзе Д.Н. Философия. Психология. Педагогика: наука о психической жизни / Под ред. И.В. Имедадзе, Р.Т. Сакварелидзе. Перевод с грузинского Е.Ш. Чомахидзе. Серия «Живая классика». Редактор-составитель Д.А. Леонтьев. М.: Смысл, 2014. 367 с.

Хопёрская Л.Л. Аксиологический аспект анализа этнополитических конфликтов // Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах в 2010 году. Ежегодный доклад Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов / Под. ред. В.А. Тишкова и В.В. Степанова. М.: ИЭА РАН, 2011. С. 46 – 56.

Шапошникова И.В. Мотивационная база реформы образования и языковая политика // Вопросы психолингвистики. 2016. № 1(27). М.: Институт языкознания РАН; МИЛ. С.256-273.

РАС: Русский ассоциативный словарь / Сост. Ю.Н. Караулов, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов, Н.В. Уфимцева, Г.А. Черкасова. Т. 1 – 2. М., 1994 – 1998. URL:<http://www.tesaurus.ru/dict/dict.php>(дата обращения: 20.10.2017).

ЕВРАС: Уфимцева Н.В., Черкасова Г.А. Русский региональный ассоциативный словарь-тезаурус ЕВРАС. URL: <http://iling-ran.ru/main/publications/evras> (дата обращения: 20.10.2017).

САНРЯ: Леонтьев А.А. Словарь ассоциативных норм русского языка. Режим доступа: URL: <http://it-claim.ru/Projects/ASIS/Leont/Index.htm>(дата обращения: 20.10.2017).

СИБАС: Шапошникова И.В., Романенко А.А. Русский региональный ассоциативный словарь (Сибирь и Дальний Восток). В 2 т. Т. I. От стимула к реакции. М.: Московский институт лингвистики, 2014. 537с. Т. II. От реакции к стимулу. М.: Московский институт лингвистики, 2015. 763 с. Режим доступа: URL:<http://adictru.nsu.ru> (дата обращения: 22.11.2017).

ISSUES OF LANGUAGE POLICY IN SCIENCE AND EDUCATION

Irina V. Shaposhnikova

Chief Researcher, Institute of Philology SB RAS
8 Nikolayev str., Novosibirsk, 630090
Doctor of Philology, Professor
Novosibirsk State University
2 Pirogov str., Novosibirsk, 630090
i.shaposhnickowa@yandex.ru

The article objectifies the conflict-prone ethno-political attitudes behind some marginal manifestations of the reforms in the scientific and educational sphere of the post-Soviet period. The author carries out an analysis of several associative-verbal markers of foreign ethnicity connected with interiorization of experience of cross-cultural contacts in the late Soviet and post-Soviet periods. Several semantic areas in the associative fields (AF) RUSSIAN and LANGUAGE associated with ethnocultural identity of the Russian linguistic personality are also explored. The carried out analysis reveals several psychoglosses marking socially sensitive (potentially conflict-prone) semantic accents in the structure of the young Russians language consciousness. The article analyzes the conditions in which the motivational base of reformation activity was conceived, including the current language policy in the scientific and educational spheres and certain administrative and organizational acts that ultimately form this language policy in its marginal manifestations. The basic dimensions of the language situation in modern Russia are considered. The main contradictions between the “actual” settings of the current language policy in the scientific and educational sphere and the essential system-forming dimensions of Russia’s language situation are revealed. The author makes conclusions about initial ethno-political concepts, their motivational mechanism having been converted into reforming effects that might be negatively reflected in the current language policy. The marginal conflict-prone manifestations in the current language policy in the scientific and educational sphere (such as total anglicization) do not take into account the destructive potential of the ethno-political concepts which can (if implemented persistently) dismantle the integrity of Russian civilization.

Keywords: identity psychoglosses of young Russians, language policy in scientific and educational spheres of the Russian Federation, a conflict of actors installation, Russia’s current language situation, marginal manifestations of reforms in science and

education, contradictions between the current language policy settings and language situation dimensions, the ethno-political concepts of reformism, the objectivization of the interacting conflict-prone ethno-political concepts of reform actors

References

Anajban, Z.V. (2016) Opyt jetnosociologicheskogo issledovanija jazykovykh processov v Tuve [The experience of ethnosociological study of the linguistic processes in Tuva] *Jetnosociologija vchera i segodnja* [Ethnosociology yesterday and nowadays]. Ed. by Ostapenko, L.V., Subbotina, I.A., 302-307. Moscow: Institut jetnologii i antropologii RAN. Print. (In Russian)

Gumilev, L.N. (1994) Jetnogenez i biosfera Zemli [Ethnogenesis and the Biosphere] / Svod №3. *Mezhdunarodnyj al'manah* [Letters, Vol.3. International Almanac] by Gumileva, N.V. Moscow: Tanais DI-DIK. 544 P. Print. (In Russian)

Isaev, M.I. (1991) Zakon prinjat. Chto dal'she? [The Law Passed. What Is Next?]. *Russkaja rech'* [Russian speech]: 1, 3-9. Moscow: Nauka. Print. (In Russian).

Dzhumagel'dinov, A.N. (2011) Jazykovaja politika v sisteme gosudarstvennogo obrazovanija Kazahstana [Language Policy in the System of State Education of Kazakhstan]. *Jetnopoliticheskaja situacija v Rossii i sopredel'nyh gosudarstvah v 2010 godu. Ezhegodnyj doklad Seti jetnologicheskogo monitoringa i rannego preduprezhdenija konfliktov* [Ethno-Political Situation in Russia and Neighbor Countries in 2010. Annual report of the Network of Ethnological Monitoring and Early Conflict Prevention]. Ed. by Tishkova, V.A., Stepanova, V.V., 213-220. Moscow: IJeA RAN. Print. (In Russian).

Kan V.S. (2011) Tuvinskij i russkij jazyki v obshhestvennom mnenii zhitel'ej Tuvy [Tuvan and Russian Languages in the Public Opinion of the Inhabitants of Tuva]. *Jetnopoliticheskaja situacija v Rossii i sopredel'nyh gosudarstvah v 2010 godu. Ezhegodnyj doklad Seti jetnologicheskogo monitoringa i rannego preduprezhdenija konfliktov* [Ethno-Political Situation in Russia and Neighbor Countries in 2010. Annual report of the Network of Ethnological Monitoring and Early Conflict Prevention] Ed. by Tishkova, V.A., Stepanova, V.V., 221-226. Moscow: Moscow: IJeA RAN. Print. (In Russian).

Kochetkov, G.B. Rossijsko-amerikanskije nauchno-tehnicheskie otnoshenija v gody perestrojki [Russian-American Scientific and Technical Relations in the Years of Perestroika]. *Rossija i Amerika v XXI veke. Jelektronnyj nauchnyj zhurnal* [Russia and America in the 21st Century. Electronic Scientific Journal] (ISSN 2070-5476) URL: <http://www.rusus.ru/?act=read&id=50> (retrieval date: 24.02.2018). Web. (In Russian)

Kryshatanovskaja, O.V. (2005) Anatomija rossijskoj jeliti [Anatomy of the Russian Elite]. Moscow: Zaharov. 384 P. Print. (In Russian)

Leont'ev, A.A. (2007) Jazyk ne dolzhen byt' «chuzhim» [The Language Should Not Be Alienated] *Voprosy psiholingvistiki* [Journal of Psycholinguistics] 6: 9-12. Print. (In Russian)

Mihal'chenko, V.Ju. Jazykovaja situacija i jazykovaja politika v sovremennoj Rossii [Language Situation and Language Policy in Modern Russia]. *Jazykovaja situacija v Evrope nachala XXI veka* [Language Situation in Europe at the Beginning of the 21st Century]: A Collection of Reviews. Ed. by Troshina, N.N., 14-31. Moscow: RAN. INION. Centr gumanit. nauch.-inform. issled. Otd. Jazykoznanija. Print. (In Russian).

Regional'noe jazykovoe soznanie komi, russkih, tatar: problemy vzaimovlijanija (2017) [Komi, Russian, and Tatar Regional Language Consciousness: Pathways of Mutual Influence]. Ufimceva N.V., Cherkasova G.A., Baljasnikova O.V., Poljanskaja A.G., Razumkova A.V., Svinchukova E.G., Stepanova A.A. Kollektivnaja monografija [Joint Monograph]. Ed. by Ufimceva, N.V. Moscow: Jaroslavl': Izd-vo Kancler. 240 P. Print. (In Russian).

Sadohin, A.P. (2000) *Jetnologija* [Ethnology]. Moscow: Gardariki, 254 P. Print. (In Russian).

Uznadze, D.N. (2014) *Filosofija. Psihologija. Pedagogika: nauka o psihicheskoj zhizni* [Philosophy. Psychology. Pedagogy: The Science of Psychic Life]. Ed. by Imedadze, I.V., Sakvarelidze, R.T. A Translation from Georgian by Chomahidze, E.Sh. Series «Zhivaja klassika». Ed. in Chief Leont'ev, D.A. Moscow: Smysl. 367 P. Print. (In Russian).

Hopjorskaja, L.L. (2011) *Aksiologicheskij aspekt analiza jetnopoliticheskikh konfliktov* [Axiological Aspect of Ethno-Political Conflicts Analysis]. *Jetnopoliticheskaja situacija v Rossii i sopredel'nyh gosudarstvah v 2010 godu. Ezhegodnyj doklad Seti jetnologicheskogo monitoringa i rannego preduprezhdenija konfliktov* [Ethno-Political Situation in Russia and Neighbor Countries in 2010. Annual report of the Network of Ethnological Monitoring and Early Conflict Prevention] Ed. by Tishkova, V.A., Stepanova, V.V., 46-56. Moscow: Moscow: IJeA RAN. Print. (In Russian).

Shaposhnikova, I.V. (2016) *Motivacionnaja baza reformy obrazovanija i jazykovaja politika* [Motivational Base of the Reform in Education and Language Policy]. *Voprosy psiholingvistiki* [Journal of Psycholinguistics 1 (27), 256-273. Moscow: Institut jazykoznanija RAN; MIL. Print. (In Russian).

Karaulov, Ju.N., Sorokin, Ju.A., Tarasov, E.F., Ufimceva, N.V., Cherkasova, G.A. (1998) *RAS: Russkij asociativnyj slovar'* [Russian Associative Dictionary] Vol. 1 – 2. Moscow, 1994 – 1998. URL:<http://www.thesaurus.ru/dict/dict.php> (retrieval date: 20.10.2017). Web. (In Russian).

Ufimceva, N.V., Cherkasova, G.A. *EVRAS: Russkij regional'nyj asociativnyj slovar'-tezaurus EVRAS* [Russian Associative Dictionary-Thesaurus EVRAS]. URL: <http://iling-ran.ru/main/publications/evras> (retrieval date: 20.10.2017). Web. (In Russian).

Leont'ev, A.A. *SANRJa: Slovar' asociativnyh norm russkogo jazyka* [The Dictionary of Associative Norms of the Russian Language]. URL: <http://it-claim.ru/Projects/ASIS/Leont/Index.htm> (retrieval date: 20.10.2017). Web. (In Russian).

Shaposhnikova, I.V., Romanenko, A.A. (2014-2015) *SIBAS: Russkij regional'nyj asociativnyj slovar' (Sibir' i Dal'nij Vostok)* [Russian Regional Associative Dictionary (Siberia and Far East)] 2. V. I. *Ot stimula k reakcii* [From Stimulus to Response]. Moscow: Moskovskij institut lingvistiki, 537 P. V. II. *Ot reakcii k stimulu* [From Response to Stimulus]. Moscow: Moskovskij institut lingvistiki, 763 P. URL:<http://adictu.nsu.ru> (retrieval date: 22.11.2017). Web. (In Russian).